

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2008 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/67/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2008 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ХАЦИЕВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 5108/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ,

17 января 2008 года

Текст был отредактирован 6 января 2009 года
в соответствии с Правилом 81 Регламента Суда

ВСТУПИЛО В СИЛУ

7 июля 2008 года

В деле «Хациева и другие против России»

Европейский суд по правам человека (Пятая секция), Палатой в следующем составе:

Пир Лоренцен, *Председатель Палаты Суда*,

Снежана Ботучарова,

Капео Юнгвирт,

Володимир Буткевич,

Маргарита Цаца-Николовска,

Райт Марусте,

Анатолий Ковлер, *судьи*,

и Клаудия Вестердик, *секретарь Секции Суда*,

заседая 11 декабря 2007 г. за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (N 5108/02) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со ст. 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») семью гражданами Российской Федерации, которыми являются г-жа Лайла (также пишется как Лейла) Магомедовна Хациева, г-жа Хазман Юнусовна Акиева, г-н Насип Хизирович Хациев, г-н Абу-Рашид Хизирович Хациев, г-жа Маликат Хасмагомедовна Акиева, г-жа Жанна Хасмагомедовна Акиева, и г-жа Зарема Вахаевна Хаяури ("заявители"), 25 сентября 2001 г.

2. Заявителям была предоставлена правовая помощь, и их интересы в Суде представляли юристы организации «Правовая инициатива по России», НПО с центральным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представлял г-н П. Лаптев, бывший Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители жаловались, в частности, на то, что их родственники погибли в результате атаки со стороны агентов Государства, и на отсутствие соответствующего расследования этого инцидента. Заявители также жаловались на нарушение их права на уважение семейной жизни, на отказ в доступе к правосудию и на отсутствие эффективных средств правовой защиты в отношении нарушений их прав. Заявители ссылались на Статьи 2, 6 § 1, 8 и 13 Конвенции.

4. 29 августа 2004 г. Председатель Первой секции принял решение в соответствии с Правилем 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке.

5. Решением от 23 октября 2006 г. Суд признал жалобу приемлемой.

6. Заявители и Правительство представили свои письменные замечания (пункт 1 Правила 59 Регламента).

ФАКТЫ

I ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Первые трое заявителей родились в 1934, 1943 и 1952 году, соответственно, а пятый, шестой и седьмой заявители родились в 1962, 1974 и 1976 году соответственно. Дата рождения четвертого заявителя неизвестна. Заявители живут в селе Аршты Сунженского р-на Республики Ингушетия. Район расположен на границе с Чеченской Республикой.

8. Представленные сторонами факты по делу в кратком виде изложены ниже в разделе А (пп. 9-60). Описание представленных Правительством документов содержится ниже в разделе В (пп. 61-104).

А. Факты

9. Первая заявительница приходится матерью Халиду Хациеву, 1969 года рождения, а также третьему и четвертому заявителям. Вторая заявительница приходится матерью Казбеку Акиеву, 1970 года рождения, а также пятому и шестому заявителям. Седьмая заявительница была замужем за Казбеком Акиевым.

10. И Халид Хациев, и Казбек Акиев были женаты и имели, соответственно, двоих и четверых детей. В рассматриваемый период времени они постоянно проживали в Москве и приехали в Аршты в августе 2000 года, чтобы помочь своим семьям с сезонными сельскохозяйственными работами.

1. Атака 6 августа 2000 г.

11. Между сторонами имеются разногласия относительно фактических обстоятельств смерти двух родственников заявителей.

(а) Версия заявителей

12. Заявители не были непосредственными свидетелями событий, а приводимое ниже описание основано на предоставленных ими Суду показаниях очевидцев.

13. В августе 2000 г. жители села Аршты косили траву. Эту работу выполняли совместно все жители села, разбившись на группы по пять-шесть человек.

14. 6 августа 2000 года около ста человек, разделившись на небольшие группы, работали на прилегающих к селению холмах. Одна из групп состояла из Халида Хациева, Казбека Акиева, их двоюродного брата Ильяса Акиева и еще троих лиц, приехавших в Аршты из Чечни как временно перемещенные лица - Баймурзы Алдиева, Асламбека Имагамаева и Асламбека Дишниева.

15. Асламбек Имагамаев показал, что во время работы косари увидели несколько вертолетов, сбивших лесную зону возле чеченского села Бамут, примерно в десяти километрах от косарей..

16. Примерно в 13.00-13.30 группа косарей, среди которых находились родственники заявителей, собралась домой обедать, и в это же время со стороны Бамута появились два военных вертолета, которые стали кружить над полем на низкой высоте. Асламбек Имагамаев определил, что это были вертолеты МИ-24. С одного из вертолетов была произведена пулеметная очередь на расстоянии около 40-50 метров от косарей. Они испугались и, побросав косы, побежали к белой автомашине "Нива", сели в нее и поехали вниз по холму в направлении с. Аршты. Баймурза Алдиев и Асламбек Имагамаев утверждали, что вертолеты вначале улетели, но затем вернулись и летели на низкой высоте прямо над автомобилем. Машина остановилась, и находившиеся в ней люди разбежались в разные стороны в поисках укрытия.

17. Вертолеты выпустили несколько снарядов и произвели по автомобилю «Нива» очереди из бортовых пулеметов, в результате чего были пробиты задние покрышки автомобиля. Вертолеты преследовали пытавшихся укрыться людей. С одного из вертолетов был выпущен снаряд по тому месту, где укрывались Халид Хациев и Казбек Акиев. Оба были убиты, а находящийся поблизости Ильяс Акиев получил осколочное ранение ноги.

18. Асламбек Имагамаев сообщил, что после этого побежал лесом в село, чтобы сообщить жителям о случившемся. По его словам, он слышал, как вертолеты еще некоторое время продолжали стрельбу. Баймурза Алдиев показал, что побежал к реке и спрятался там в кустах. По его мнению, обстрел «Нивы» продолжался около полутора часов. Когда вертолеты улетели, он вернулся к автомобилю и обнаружил тела Халида Хациева и Казбека Акиева примерно в 50 метрах от машины.

19. На разбитой «Ниве» тела привезли в село.

20. В августе 2000 г. о факте огневой атаки и о гибели двух человек сообщали правозащитные НПО и российские СМИ.

(b) Версия Правительства

21. Согласно утверждениям Правительства, с момента начала контртеррористических операций органами государственной власти и управления, а также военным командованием были приняты необходимые меры по обеспечению безопасности гражданского населения, проживающего в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации. С жителями Республики Ингушетия была проведена соответствующая разъяснительная работа об опасности нахождения вблизи административной границы с Чеченской Республикой, а также о порядке поведения и совершения конкретных действий предупреждающего характера (подача условных сигналов о непринадлежности к НВФ) в случае, когда они оказались в районе

проведения контртеррористической операции. В частности, местные жители были проинформированы о том, что при нахождении в непосредственной близости от мест проведения специальных мероприятий по задержанию участников НВФ представителями федеральных сил, при установлении с последними визуального контакта надлежит прекратить передвижение, обозначить себя белой тканью и ожидать прибытия досмотровой группы.

22. 6 августа 2000 г. на территории Чеченской Республики, граничащей с Сунженским районом Республики Ингушетия, проводилась контртеррористическая операция по пресечению преступной деятельности и задержанию участников незаконных вооруженных формирований. Планирование и руководство операцией осуществлялось командованием Западной группы войск Объединенной группировки войск. Правительство отказалось назвать имена и фамилии представителей командования и сообщить подробности об операции, утверждая, что раскрытие этой информации может нанести вред интересам национальной безопасности. Согласно утверждению Правительства, «в материалах предварительного следствия не содержалось сведений» о том, были ли жители Аршты заранее предупреждены об операции и получили ли военнослужащие, участвовавшие в операции, инструкции о необходимости избегать нанесения ущерба гражданским лицам.

23. Во время проведения контртеррористической операции в результате огневого поражения участниками НВФ транспортного вертолета Ми-8 произошло его падение в окрестностях с. Аршты. Командованием, осуществлявшим руководство операцией, приняты меры по эвакуации личного состава с места падения вертолета. Правительство, ссылаясь на Главную военную прокуратуру, утверждало, что военнослужащие, прибывшие с целью эвакуации пострадавших, также попали под обстрел участников НВФ. Воздушное прикрытие района проведения спасательных мероприятий осуществлялось посменно парами вертолетов огневой поддержки Ми-24.

24. Около 13 часов, во время барражирования в 4 километрах западнее с. Аршты, пилотами двух вертолетов Ми-24 была обнаружена автомашина «Нива», рядом с которой находилась группа мужчин не менее чем из пяти человек с автоматическим огнестрельным оружием. Согласно информации, предоставленной Правительством, их обнаружение и визуальное наблюдение осуществлялось через обладающие 10-кратным увеличением приборы наведения бортового вооружения с дистанции 2 километра при высоте полета 100-150 метров.

25. Согласно утверждениям Правительства, после доклада на командный пункт и по получении соответствующего приказа пилотами были произведены предупредительные выстрелы в точку прицеливания, находившуюся на расстоянии 50 метров от людей и автомашины. Сразу после предупредительных выстрелов указанная

группа граждан погрузилась в автомашину и начала движение вместо того, чтобы оставаться на месте до прибытия наземной группы для проверки документов. Доложив о происшедшем и получив соответствующий приказ, пилоты повторно произвели предупредительные выстрелы, после которых автомобиль продолжал движение. В целях воспрепятствования дальнейшему несанкционированному передвижению транспортного средства с неустановленными вооруженными лицами в непосредственной близости от места проведения спасательной операции пилотами вертолетов в соответствии с поступившим с командного пункта приказом были произведены выстрелы на поражение, в результате чего погибли Казбек Акиев и Халид Хациев, а Ильяс Акиев был ранен.

26. Правительство также указало, что «в материалах предварительного следствия отсутствует информация» о применении подвергшимся атаке людьми огнестрельного оружия против пилотов и что «согласно техническому описанию, автоматическое оружие не может эффективно поразить цель на расстоянии более километра».

2. Ход официального расследования

27. Согласно утверждениям Правительства, по окончании операции эвакуации экипажа упавшего вертолета МИ-8 военнослужащие осмотрели территорию в окрестностях места падения вертолета и обнаружили автомобиль «Нива», а возле него - ручные гранаты, стреляные автоматные гильзы и жилет-разгрузку с пятнами крови.

28. Вечером 6 августа 2000 г. на место происшествия прибыли работники прокуратуры Сунженского района и прокуратуры Республики Ингушетия. Они привезли с собой судебно-медицинского эксперта из г. Нальчик, Республика Кабардино-Балкария. Указанные должностные лица опросили свидетелей огневой атаки, осмотрели место происшествия и собрали осколки снарядов и обломки кос. На месте происшествия не было найдено ни огнестрельного оружия, ни боеприпасов. Должностные лица также осмотрели тела и зафиксировали наличие ранений осколками и артиллерийскими снарядами крупного калибра.

29. По словам заявителей, одновременно с этим глава сельской администрации обратился к военному командованию. В село прибыли два БТРа с военнослужащими, которые вместе с представителями сельской администрации отправились на место происшествия, но вскоре сотрудники сельской администрации вернулись, поскольку военные, по их словам, дальше ехать отказались.

30. Правительство сообщило, что 6 августа 2000 г. на основании сообщения, поступившего от главы администрации с. Аршты, республиканской прокуратурой возбуждено уголовное дело по статье 105 § 2 (а) и (е) УК ПФ (убийство двух или более лиц, совершенное общеопасным способом). Делу был присвоен номер 20600055. После проведения первичных следственных действий дело было передано в военную прокуратуру с присвоением ему номера 34/32/0189-01.

31. По словам заявителей, не получив никаких новых сведений о ходе расследования в течение нескольких недель после происшествия, они обратились в Сунженскую районную прокуратуру, а затем в республиканскую прокуратуру. Им сообщили о том, что 6 августа 2000 г. было возбуждено уголовное дело за номером 20600055. В ответ на их последующие обращения к прокурорам разного уровня заявители не получили почти никакой существенной информации о расследовании факта обстрела. Несколько раз они получали копии уведомлений о направлении их обращений в различные прокуратуры.

32. 29 августа 2000 г. Главная военная прокуратура в ответ на запрос депутата Госдумы от Ингушетии (действовавшего от имени заявителей) сообщила, что следствие по уголовному делу об убийстве двух человек у села Аршты ведется под надзором военной прокуратуры Северо-Кавказского военного округа и что депутата уведомят о результатах расследования.

33. 30 октября 2000 г. предварительное расследование обстоятельств огневой атаки 6 августа 2000 г. было приостановлено за отсутствием лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. Следствие было возобновлено 13 ноября 2000 г. (см. ниже пп. 69-70). По всей видимости, заявители не были уведомлены об этих постановлениях.

34. 14 ноября 2000 г. заявители получили уведомление из республиканской прокуратуры о том, что 9 августа 2000 г. дело № 20600055 было передано для расследования в 59 военную прокуратуру гарнизона в Моздоке, Северная Осетия.

35. 14 ноября 2000 г. представитель заявителей отправился в Моздок с целью узнать о ходе расследования. Там он обратился в прокуратуру с изложением фактов нападения и с просьбой предоставить информацию о ходе следствия. Работник прокуратуры показал ему реестр уголовных дел, согласно которому дело было передано для дальнейшего расследования в военную прокуратуру Владикавказа, Северная Осетия.

36. 15 ноября 2000 г. представитель заявителей отправился во Владикавказ, где беседовал с военным прокурором, который сообщил ему, что дело направлено в военную прокуратуру войсковой части 20102 в Ханкале, главной военной базе федеральных войск в Чечне. В тот же день представитель от имени второй заявительницы официально запросил информацию о ходе расследования.

37. 24 ноября 2000 г. вторая заявительница направила письмо в военную прокуратуру войсковой части № 20102. В письме она излагала факты по делу, ссылаясь на номер уголовного дела, который ей сообщила Сунженская прокуратура, и запрашивала информацию о ходе расследования. Она также просила признать ее потерпевшей по уголовному делу. Как сообщает вторая заявительница, она не получила ответа на это письмо.

38. 30 декабря 2000 г. следственные органы вновь приостановили расследование по причине неустановления лица, подлежащего

привлечению в качестве обвиняемого. По-видимому, данное постановление было отменено вышестоящей прокуратурой дважды - 11 марта и 24 октября 2001 г. (см. ниже пп. 72, 73 и 75). Насколько можно судить, заявители не были уведомлены ни об одном из этих постановлений.

39. 29 января 2001 г. четвертый заявитель был уведомлен военным прокурором в/ч № 20102 о том, что его жалоба приобщена к материалам уголовного дела, возбужденного в связи со смертью его брата. Дата обращения четвертого заявителя указана не была.

40. 30 мая 2001 г. вторая заявительница направила письмо в военную прокуратуру войсковой части № 20102 и военному прокурору Северо-Кавказского военного округа. Она спрашивала о ходе расследования и просила признать ее и первую заявительницу потерпевшими по уголовному делу в соответствии с УПК РФ. Она не получила ответа на свои обращения, помимо письма от 21 июня 2001 г., в котором военный прокурор Северо-Кавказского военного округа информировал ее о том, что ее письмо направлено в 59 прокуратуру гарнизона в Моздоке.

41. 29 августа 2001 г. Сунженский районный отдел ЗАГС выдал свидетельства о смерти Халида Хациева и Казбека Акиева за номерами, соответственно, 376 и 405. В обоих свидетельствах дата и место смерти были указаны как 6 августа 2000 г., село Аршты Сунженского района.

42. 15 декабря 2001 г. следственными органами было издано постановление, согласно которому уголовное дело, возбужденное по факту событий 6 августа 2000 г., частично прекращалось в части совершения преступления командирами, отдавшими приказ на уничтожение автомобиля "Нива", за отсутствием в их действиях состава преступления, а также второе постановление – о прекращении уголовного дела в целом за отсутствием состава преступления (см. ниже пп. 76-77). Заявителей уведомили об этих постановлениях письмами без указания даты (см. ниже п. 78).

43. 25 января 2002 г. второе из постановлений от 15 декабря 2001 г. было отменено вышестоящей прокуратурой, а следствие по делу возобновлено (см. ниже п. 79). Следствие было снова прекращено за отсутствием состава преступления 21 марта 2002 г., а затем возобновлено 16 августа 2002 г. (см. ниже пп. 81-82).

44. 24 марта 2003 г. военная прокуратура в/ч 20102 уведомила заявителей о возобновлении расследования обстоятельств смерти Халида Хациева и Казбека Акиева.

45. Письмом от 17 апреля 2003 г. организация «Правовая инициатива по России», действуя от имени заявителей, обратилась к военному прокурору в/ч 20102 с просьбой сообщить актуальную информацию о ходе расследования уголовного дела и признать первых двух заявительниц потерпевшими.

46. Письмом от 24 апреля 2003 г. военная прокуратура в/ч 20102 уведомила заявителей, что в тот же самый день с согласия 59

прокуратуры гарнизона производство по уголовному делу, возбужденному в связи со смертью Халида Хациева и Казбека Акиева, было прекращено за отсутствием в факте огневой атаки 6 августа 2000 г. состава преступления.

47. Согласно доводам Правительства в обоснование принятого решения, органами предварительного следствия был сделан вывод о том, что пилоты вертолетов МИ-24 открыли огонь по автомобилю «Нива», приведший к гибели двух родственников заявителей, действуя во исполнение обязательного для них поступившего с командного пункта приказа. Следовательно, в действиях пилотов нет состава преступления. Не образуют состава преступления и действия воинских должностных лиц, отдавших приказ на уничтожение автомашины "Нива", продолжавшей движение после предупредительных выстрелов в непосредственной близости от места проведения контртеррористической операции в сложившейся обстановке активного вооруженного сопротивления со стороны участников НВФ, представляющего угрозу жизни и здоровью военнослужащих и иных лиц. Правительством не были указаны фамилии пилотов, участвовавших в огневой атаке 6 августа 2000 г., а также представителей воинского командования, отдавших приказ.

3. Попытки заявителей получить доступ к материалам дела

48. 21 мая 2003 г. военная прокуратура войсковой части № 20102 сообщила организации «Правовая инициатива по России», что 9 февраля 2001 г. материалы уголовного дела, возбужденного в связи со смертью Халида Хациева и Казбека Акиева, переданы в прокуратуру Северо-Кавказского военного округа для определения подследственности. В письме из прокуратуры речь шла о деле № 14/33/0429-00.

49. 7 июля 2003 г. из военной прокуратуры войсковой части № 20102 снова пришел ответ на запрос организации «Правовая инициатива по России», в котором говорилось, что 9 февраля 2001 г. дело № 14/33/0429-00, возбужденное в связи со смертью Халида Хациева и Казбека Акиева, было передано в прокуратуру Северо-Кавказского военного округа.

50. 8 июля 2003 г. организация «Правовая инициатива по России» письменно обратилась в 59 прокуратуру гарнизона с просьбой признать первых двух заявительниц потерпевшими по уголовному делу 14/33/0429-00 и позволить им ознакомиться с материалами дела.

51. 10 июля 2003 г. из 59 прокуратуры гарнизона первым двум заявительницам в ответ на их обращение пришло уведомление о том, что дело об убийстве их сыновей передано в военную прокуратуру Объединенной группы войск для проверки законности и обоснованности постановления о прекращении уголовного дела.

52. В письмах из 59 прокуратуры гарнизона от 10 и 11 августа 2003 г., соответственно, первой и второй заявительницам сообщалось о том, что они могут ознакомиться с материалами дела в прокуратуре

гарнизона в любой рабочий день с 9.00 до 18.00. В письме речь шла о деле № 34/32/0189-01Д.

53. Письмом от 11 августа 2003 г. из 59 военной прокуратуры гарнизона организации «Правовая инициатива по России» в ответ на запрос сообщалось, что уголовное дело 34/32/0189-01Д было прекращено 24 апреля 2003 г. за отсутствием в факте огневой атаки 6 августа 2000 г. состава преступления, поэтому действующее законодательство не дает оснований признать первых двух заявительниц потерпевшими. В письме также сообщалось, что первые две заявительницы могут ознакомиться с материалами дела в любой рабочий день с 9.00 до 18.00.

54. 9 марта 2004 г. организация «Правовая инициатива по России» от имени заявителей обратилась в 59 прокуратуру гарнизона, указав, что 29 августа 2003 г. адвокат заявителей сделал попытку ознакомиться с материалами дела № 34/32/0189-01Д, но получил отказ на том основании, что дело передано в военную прокуратуру Республики Ингушетия. В связи с этим организация «Правовая инициатива по России» обратилась к 59 прокуратуре гарнизона с просьбой объяснить причины передачи дела в военную прокуратуру Республики Ингушетия, а также сообщить о ходе расследования и о том, когда и где первые две заявительницы и их адвокаты могут ознакомиться с материалами дела.

55. В тот же день организация «Правовая инициатива по России» направила аналогичное письмо в прокуратуру Республики Ингушетия.

56. 18 марта 2004 г. Главная военная прокуратура направила письмо, полученное от организации «Правовая инициатива по России», на рассмотрение в военную прокуратуру ОГВ.

57. Письмом от 23 марта 2004 г. из 59 прокуратуры гарнизона организации "Правовая инициатива по России" сообщили, что уголовное дело № 34/32/0189-01Д было передано для рассмотрения вначале в военную прокуратуру ОГВ, а после 1 сентября 2003 г. - во вновь организованную военную прокуратуру войсковой части 04062 в Республике Ингушетия. В письме заявителям и их представителям предлагалось обращаться в последний из упомянутых органов прокуратуры.

58. 2 июня 2004 г. из 59 прокуратуре гарнизона сообщили, что уже ответили на все запросы организации "Правовая инициатива по России" в письме от 23 марта 2004.

59. 2 июля 2004 г. из прокуратуры ОГВ первым двум заявительницам и организации «Правовая инициатива по России» сообщили, что производство по уголовному делу № 34/32/0189-01Д было прекращено 24 апреля 2003 г. и с тех пор никакие следственные действия не предпринимались. Военная прокуратура ОГВ изучила материалы дела и признала вышеупомянутое постановление от 24 апреля 2003 г. обоснованным. Дело затем было передано в военную прокуратуру в/ч 04062, где заявители могут с ним ознакомиться.

60. По словам заявителей, все их попытки получить доступ к материалам дела на данный момент оказались безуспешными. В последний раз они пытались ознакомиться с делом в декабре 2006 г., но попытка не увенчалась успехом.

В. Документы, представленные Правительством

1. Запросы материалов дела Судом

61. В октябре 2004 г. на стадии коммуникации Правительство попросило предоставить копию материалов уголовного дела, возбужденного в связи с обстрелом 6 августа 2000 г. и убийством Халида Хациева и Казбека Акиева. Ссылаясь на Генеральную прокуратуру, Правительство отказалось представить копию материалов дела, утверждая, что хотя дело закрыто, раскрытие этой информации противоречит требованию статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, поскольку в материалах дела содержатся сведения военного характера, а также личные данные и адреса свидетелей.

62. 23 октября 2006 г. жалоба была признана приемлемой. На этом этапе Суд снова обратился к Правительству с просьбой представить материалы уголовного дела. В феврале 2007 г. Правительство согласилось раскрыть материалы дела, за исключением документов, «разглашение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации и интересам участников уголовного процесса», а также «не имеющих отношения к расследованию». Согласно утверждениям Правительства, предоставление Суду материалов уголовного дела на более ранней стадии было бы недопустимым с точки зрения обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства и конфиденциальности данных предварительного расследования, как предусмотрено статьей 161 УПК РФ, а также ввиду того, что заявители еще не использовали все имеющиеся в их распоряжении средства правовой защиты.

63. В итоге Правительство предоставило Суду ряд документов в общей сложности на 223 страницах. Их можно кратко представить следующим образом.

(а) Документы, касающиеся проведения расследования и уведомления заявителей о его ходе

64. Постановлением от 6 августа 2000 г. прокуратурой Сунженского района было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного пунктами «а» и «е» части второй статьи 105 Уголовного кодекса (убийство двух или более лиц, совершенное общеопасным способом) в связи с имевшей место ранее в тот же день огневой атакой военных вертолетов, приведшей к смерти Халида Хациева и Казбека Акиева.

65. Постановлением от 6 августа 2000 г. дело было принято к производству следователем. В другом постановлении, принятом в тот

же день, следователь признал потерпевшим по делу Ильаса Акиева, который в результате обстрела получил телесные повреждения (см. выше пп. 17 и 25).

66. Постановлением от 8 августа 2000 г. следователь передал дело по подследственности в военную прокуратуру, поскольку она уполномочена расследовать уголовные преступления, совершенные военнослужащими.

67. Постановлением от 18 сентября 2000 г. дело было принято к производству для проведения предварительного следствия следователем военной прокуратуры войсковой части № 20102; делу был присвоен номер 14/33/0429-2000.

68. Постановлением следователя от 2 октября 2000 г. с одобрения военного прокурора войсковой части 20102 срок предварительного следствия был продлен до 6 ноября 2000 г. В постановлении, в частности, говорилось, что согласно данным, установленным в ходе предварительного следствия, 6 августа 2000 г. около 9 часов утра двое родственников заявителей, а также Ильяс Акиев, Баймурза Алдиев, Асламбек Имагамаев и Асламбек Дишниеи прибыли на автомобиле «Нива» в место, расположенное в трех километрах западнее с. Аршты, с целью накосить сено. Далее в постановлении говорилось:

«Около 11 часов в небе над территорией Чеченской Республики, к югу от селения Аршты появились два военных вертолета МИ-24, которые стали вести обстрел территории Чеченской Республики. Около 13 часов 30 минут граждане [названы оба родственника заявителей и еще четверо упомянутых выше лиц] сели в автомобиль [«Нива»] и попытались уехать в направлении селения Аршты. В это же время вертолеты... направились в их сторону и открыли по автомобилю огонь из пулеметов. [Оба родственника заявителей и четверо других вышеупомянутых лиц] покинули автомобиль и спрятались вблизи в траве. Вертолеты продолжали обстреливать автомобиль и место, где [названные шестеро лиц] прятались, из ракетных установок и пулеметов. В результате обстрела погибли Хациев Халид... и Акиев Казбек...».

Далее был приведен перечень следственных действий, выполненных по уголовному делу. Указано, в частности, что был произведен осмотр места происшествия, в ходе которого обнаружены воронки, металлические фрагменты-осколки с маркировкой; что были произведены осмотры трупов Халида Хациева и Казбека Акиева с последующей отправкой трупов для судебно-медицинского исследования в Республиканское бюро судебно-медицинских экспертиз Республики Ингушетия, а Ильяс Акиев, Баймурза Алдиев, Асламбек Имагамаев, Асламбек Дишниеи и Ф., присутствовавшие на месте происшествия в день нападения, были допрошены в качестве свидетелей. В постановлении также говорилось о других следственных действиях, которые необходимо выполнить: установить и допросить пилотов, управлявших двумя вертолетами МИ-24, установить лиц, отдавших распоряжение открыть огонь, и предъявить им соответствующие обвинения, и выполнить иные следственные действия для завершения предварительного следствия по делу.

69. Постановлением от 30 октября 2000 г. следователь военной прокуратуры в/ч 20102 приостановил производство предварительного следствия по делу № 14/33/0429-2000. В постановлении вновь были изложены факты по делу и перечислены произведенные следственные действия подобно тому, как это было сделано в постановлении от 2 октября 2000 г. Далее в постановлении говорилось:

«Допрошенный по уголовному делу свидетель подполковник К. – начальник штаба отдела авиации в/ч [удалено] подтвердил факт обстрела автомобиля «Нива» в районе населенного пункта Аршты вертолетами [удалено] отдельной вертолетной эскадрильи. Из сообщения подполковника К. следует, что в настоящее время [удалено] ОВЭ выведена с территории Чеченской Республики к месту постоянной дислокации в город [удалено].

Принимая во внимание, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого по настоящему уголовному делу, несмотря на все предпринятые меры, не установлено, все следственные действия, производство которых возможно на территории Чеченской Республики, выполнены, а личный состав [удалено] отдельной вертолетной эскадрильи убыл к месту постоянной дислокации в город [удалено] ... производство необходимых следственных действий... целесообразно осуществить в пункте постоянной дислокации ОВЭ в городе [удалено].

Данным постановлением производство предварительного следствия было приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а уголовное дело передано военному прокурору Курского гарнизона.

70. Постановлением от 13 ноября 2000 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа отменила постановление от 30 октября 2000 г., указав, что расследование было проведено не полностью, а также поручив направить уголовное дело для организации дополнительного расследования в военную прокуратуру в/ч 20102.

71. Постановлением от 30 ноября 2000 г. следователь военной прокуратуры в/ч 20102 принял дело к производству.

72. Постановлением от 30 декабря 2000 г. производство по уголовному делу № 14/33/0429-2000 было приостановлено. В целом текст данного постановления был аналогичен постановлению от 30 октября 2000 г., но содержал также следующую информацию:

«Из показаний свидетеля [удалено] Л. следует, что 6 августа 2000 г. 6 августа 2000 года артиллерией группировки [федеральных ВВС] было нанесено огневое поражение по скоплению бандитских формирований. В результате обстрела вертолет МИ-8 был поврежден и упал к западу от н.п. Аршты... В район падения была направлена группа поиска и вертолеты МИ-24 для огневой поддержки. По прошествии некоторого времени от летчиков поступил доклад о том, что ими уничтожен автомобиль «Нива» с боевиками, которые вели огонь по вертолетам. [У свидетеля Л.] запрос на открытие огня [по а/м "Нива"] летчики не запрашивали. В результате прочесывания местности [в окрестностях с. Аршты военнослужащими федеральных сил] были обнаружены уничтоженная «Нива», рядом с которой были обнаружены несколько ручных гранат, стреляные автоматные гильзы, окровавленный жилет-разгрузка».

В постановлении делается вывод, что личность ответственных за содеянное установить не представляется возможным и производство решено приостановить.

73. Постановлением от 11 марта 2001 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа отменила постановление от 30 декабря 2000 г., указав на следующее:

«Изучение материалов уголовного дела... показало, [что] следствие по данному делу завершено, практических мер к установлению лиц, совершивших преступление, не принято, отдельные поручения до настоящего времени не исполнены, в связи с чем затруднена оценка действия/бездействия должностных лиц и членов экипажей вертолетов, которые до настоящего времени не допрошены. До настоящего времени не проведены СМЭ погибших, поэтому не выяснен вопрос о причине наступления смерти; причиненный ущерб потерпевшим не выяснен».

Военная прокуратура постановила отменить решение от 30 декабря 2000 г. о приостановлении предварительного следствия, производство по уголовному делу 14/03/0396-00, возбужденному по факту убийства Халида Хадиева и Казбека Акиева, возобновить и направить для организации дополнительного расследования военному прокурору 59 прокуратуры гарнизона.

74. Постановлением от 24 августа 2001 г. следователь 59 военной прокуратуры гарнизона принял к производству дело с указанием номера 14/32/0189-01Д.

75. Постановлением от 24 октября 2001 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа снова отменила постановление от 30 декабря 2001 г. и приказала возобновить расследование по уголовному делу 14/21/0396-00 по факту убийства родственников заявителей. В обоснование были приведены те же причины, что и в постановлении от 11 марта 2001 г.

76. Постановлением от 15 декабря 2001 г. следователь 59 военной прокуратуры гарнизона вынес решение о частичном прекращении уголовного дела № 14/32/0189-01Д по факту убийства Халида Хадиева и Казбека Акиева. В постановлении говорилось следующее:

«6 августа 2000 г. около 9 часов вблизи н.п. Аршты Сунженского района РИ произошло падение вертолета [удалено] отдельной вертолетной эскадрильи МИ-8. В этот же период на месте падения вышеуказанного вертолета при посадке был обстрелян вертолет, прибывший для эвакуации раненных военнослужащих. Для прикрытия мероприятий по эвакуации раненых по приказу командира войсковой части 06652 полковника Д. в 12 часов того же дня были подняты в воздух два вертолета МИ-24, командирами которых были майор [настоящая фамилия заменена псевдонимом «Иванов»] и майор [настоящая фамилия заменена псевдонимом «Петров»]. Около 13 часов, барражируя по кругу западнее н.п. Аршты, они обнаружили на опушке леса автомобиль [«Нива»] белого цвета, рядом с которым находились пять [а не шесть] человек с автоматическим оружием в руках, о чем сразу было доложено на КП ОГВ (с) в н.п. Ханкала ЧР. Вертолет[ы] находился [находились] на высоте 100-150 метров и на расстоянии 2 км от автомобиля. Наблюдение с вертолетов осуществлялось [пилотами] с помощью прибора наведения управляемых ракет с 10-кратным увеличением. С командного пункта сообщили, что будут выяснять, кем являются данные люди. Примерно через 15 минут с КП

ОГВ (с) поступил приказ на уничтожение автомобиля. Тогда [пилотами] был сделан предупредительный выстрел из пушки перед автомобилем на расстоянии 50 метров с целью предупредить, чтобы все оставались на месте до подхода наземного подразделения. После предупредительного выстрела люди сели в автомобиль и начали движение в сторону н.п. Аршты. Об этом было [пилотами] доложено на КП ОГВ (с), на что повторно поступил приказ об уничтожении автомобиля. После полученного приказа [пилотами] повторно была произведена предупредительная очередь из пушки. Автомобиль продолжал движение. После этого с вертолета под командованием майора [Иванова] была произведена третья очередь на поражение, после чего автомобиль остановился. Об этом было сообщено на КП ОГВ (с) и наземному подразделению... В результате обстрела погибли граждане Акиев и Хациев.

Таким образом, в действиях лица, отдавшего приказ на уничтожение обнаруженной автомашины [«Нива»], формально содержатся признаки преступления, предусмотренного ст. 286 ч. 3 УК РФ [превышение должностных полномочий], однако при изложенных выше обстоятельствах отдавание им приказа на уничтожение автомобиля следует считать правомерным, а уголовное дело в части совершения преступления, предусмотренного ст. 286 ч. 3 УК РФ надлежит прекратить [за отсутствием признаков преступления в действиях данного должностного лица...]

77. Вторым постановлением, принятым тем же следователем 15 декабря 2001 г., уголовное дело по факту убийства двух родственников заявителей было полностью прекращено. В постановлении описаны обстоятельства огневой атаки 6 августа 2000 г., как они излагались в вышеупомянутом постановлении от 15 декабря 2001 г., и приводятся выдержки из протокола осмотра места происшествия 6 августа 2000 г., заключений судмедэкспертов, сделанных при наружном осмотре тел Халида Хациева и Казбека Акиева и датированных 3 сентября 2001 г., свидетельских показаний Ильяса Акиева, Баймурзы Алдиева, Асламбека Имагамаева и Асламбека Дишниева, пилотов вертолетов МИ-24, полковника Д., командира войсковой части 06652, подполковника А., начальника штаба войсковой части [номер части удален], а также дается ссылка на второе постановление от 15 декабря 2001 г. В постановлении делается вывод:

«Таким образом, основываясь на собранных по делу доказательствах, следует прийти к выводу, что экипажи вертолетов МИ-24 6 августа 2000 года, около 13 часов, в районе с. Аршты ... осуществили огневое поражение автомобиля [«Нива»] во исполнение обязательного для них приказа, который при вышеуказанных обстоятельствах являлся правомерным, в связи с чем их действия не являются преступлением, и они не могут нести уголовную ответственность за причиненный их действиями вред, а уголовное дело, возбужденное 6 августа 2000 года по признакам преступления, предусмотренного ст. 105 ч. 2 пп. а, е УК РФ, надлежит прекратить... за отсутствием в деле состава преступления».

78. Письмами без указания даты следственные органы уведомили заявителей, Ильяса Акиева, Баймурзу Алдиева, Асламбека Имагамаева и Асламбека Дишниева, что производство по уголовному делу, возбужденному по факту обстрела 6 августа 2000 г. и убийства Халида Хациева и Казбека Акиева, было приостановлено 15 декабря 2001 г. за отсутствием состава преступления. Заявителям сообщалось о

возможности обжалования решения в 59 прокуратуре гарнизона или в суде.

79. Постановлением от 25 января 2002 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа отменила второе постановление от 15 декабря 2001 г. (см. выше п. 77), указав, что предварительное следствие было неполным, что отдельные поручения не были исполнены, а предусмотренные законом меры не приняты, в связи с чем затруднена оценка действий или бездействия должностных лиц и членов экипажей вертолетов МИ-25. В связи с этим было предписано возобновить следствие по делу.

80. Постановлением от 21 февраля 2002 г. следователь 59 военной прокуратуры гарнизона принял дело к производству.

81. Письмами от 22 марта 2002 г. следователь уведомил семью второго заявителя, а также Ильяса Акиева, Баймурзу Алдиева, Асламбека Имагамаева и Асламбека Дишниева, что следствие по делу о смерти двух родственников заявителей было прекращено 21 марта 2002 г. за отсутствием состава преступления, и что они могут обжаловать это решение в 59 прокуратуре гарнизона или в суде. Неясно, была ли уведомлена о принятом 21 марта 2002 г. решении семья первого заявителя, поскольку среди документов, представленных Правительством, не содержалось такого письма. Не была представлена в Суд и копия постановления от 21 марта 2002 года.

82. Постановлением от 16 августа 2002 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа отменила постановление от 21 марта 2002 г., указывая, что расследование было неполным, поручения вышестоящей прокуратуры не выполнены и не приняты все предусмотренные законом меры по установлению обстоятельств дела.

83. Постановлением от 24 марта 2003 г. следователь военной прокуратуры в/ч 20102 принял дело к производству.

84. В тот же день следователь уведомил семью второго заявителя и вышеназванных четверых человек, которые подверглись обстрелу наряду с Халидом Хациевым и Казбеком Акиевым, о постановлении от 24 марта 2003 г. Неясно, была ли уведомлена о принятом решении семья первого заявителя, поскольку среди документов, представленных Правительством, не содержалось такого письма.

85. Постановлением от 24 апреля 2003 г. следователь военной прокуратуры в/ч 20102 прекратил уголовное дело № 34/32/0189-01. В постановлении были изложены обстоятельства обстрела 6 августа 2000 г. в том же виде, что и в постановлении от 15 декабря 2001 г. о полном прекращении уголовного дела (см. п. 77), и делались ссылки на те же документы, что и в названном постановлении. В постановлении также приводились свидетельские показания г-на Ф., главы администрации Аршты в рассматриваемый период, г-на М., начальника службы безопасности полетов, и заключение военного эксперта от 20 марта 2002 г. (см. ниже п. 102). Затем в постановлении говорилось, что были предприняты все следственные действия, необходимые для полного и объективного установления обстоятельств дела, и в результате

следствием было установлено, что в соответствующий период в Северокавказском регионе проводилась контртеррористическая операция, охватывающая территорию нескольких республик, включая Чеченскую Республику и Республику Ингушетию. Местные жители были проинформированы о том, что при приближении военных транспортных средств или представителей федеральных сил надлежит обозначить себя белой тканью как гражданских лиц и ожидать прибытия досмотровой группы. Далее в постановлении говорилось, что 6 августа 2000 г. двое родственников заявителей и еще четыре человека, обнаруженные в окрестностях с. Аршты двумя вертолетами МИ-24 под командованием майора "Иванова" и майора "Петрова", не выполнили вышеназванных требований, а после предупредительного выстрела попытались скрыться на автомобиле «Нива», в результате чего с вертолетов МИ-24 был открыт огонь на поражение, приведший к смерти Халида Хациева и Казбека Акиева. В постановлении сделан вывод о том, что пилоты действовали во исполнение обязательного для них приказа, который при вышеуказанных обстоятельствах являлся правомерным, в связи с чем их действия не являются преступлением и они не могут нести уголовную ответственность за причиненный их действиями вред. Поэтому уголовное дело в отношении офицеров «Иванова» и «Петрова» решено прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

(б) Протоколы допросов свидетелей

86. В документах, представленных Правительством, содержится несколько протоколов свидетельских допросов. В частности, Ильяс Акиев, Баймурза Алдиев, Асламбек Имагамаев и Асламбек Дишниева описали обстрел 6 августа 2000 г. как изложено в версии событий, представленной заявителями (см. пп. 12 – 20) и настаивали на том, что у них не было огнестрельного оружия, а факт того, что они гражданские лица, косят сено и не представляют никакой опасности, был очевиден. Асламбек Имагамаев и Асламбек Дишниева также указали, что не получали никакой информации о правилах поведения гражданских лиц в зоне контртеррористической операции и что им никогда не объяснили, как должно обозначать себя гражданское лицо, поскольку в Ингушетии никакой спецоперации не проводилось. Баймурза Алдиев сообщил, что глава администрации с. Аршты и сотрудники УВД Сунженского района советовали местным жителям избегать военнослужащих, не приближаться к ним и не провоцировать их. Он слышал от родственников, что в случае обстрела военнослужащими федеральных сил нужно обозначить себя белой тканью как гражданское лицо и ждать приближения досмотровой группы для проверки документов, но во время обстрела 6 августа 2000 г. он этого не сделал, поскольку все были напуганы и пытались укрыться, опасаясь за свою жизнь.

87. Г-н Ф., занимавший пост главы администрации Аршты в рассматриваемый период, указал, что Халид Хациев и Казбек Акиев

никогда не участвовали в незаконной деятельности и не привлекались к уголовной ответственности. Он также сообщил, что 6 августа 2000 г. вместе с сотрудниками правоохранительных органов посетил место происшествия, где был обстрелян автомобиль «Нива». По словам г-на Ф., во время осмотра места происшествия были обнаружены осколки и воронки от снарядов и пуль. Г-н Ф. указал, что на месте происшествия не было ни огнестрельного оружия, ни гранат, что до прибытия сотрудников правоохранительных органов на месте не было ни военнослужащих, ни иных лиц и отсутствовали следы чьего-либо пребывания там. Также г-н Ф. сообщил следующее:

«С лета 2000 г. на территории Чеченской Республики осуществляется контртеррористическая операция. За этот период федеральными силами неоднократно проводились спецоперации в с. Аршты, в ходе которых представители государственных органов и командиры никогда не объясняли правила поведения в ситуации приближения представителей федеральных сил. Я сам несколько раз говорил жителям села, что при появлении военных машин, авиации или вооруженных солдат следует уйти на безопасное расстояние.

В 2000 году мне ни разу не объясняли, что при приближении самолета или вертолета людям необходимо обозначать себя – белой тканью или иным образом – чтобы военные поняли, что это гражданские лица. Поэтому я не давал таких разъяснений жителям села.

Сотрудники Сунженского МВД тоже не давали [таких разъяснений], поскольку на территории Республики Ингушетия военные действия не велись...»

88. Согласно сведениям, полученным от старшего офицера ВВС 30 ноября 2000 г., в случае необходимости КП может разрешить пилоту-командиру вертолета открывать огонь по своему усмотрению.

89. Офицер Л., воинское звание и должность которого неизвестны, поскольку личные сведения о нем из протокола удалены, показал на допросе от 29 декабря 2000 г., что:

«...от летчиков поступил доклад о том, что ими уничтожен автомобиль «Нива» с боевиками, которые вели огонь по вертолетам. У меня запрос на открытие огня летчики не спрашивали. Полагаю, что командир экипажа принял решение об уничтожении «Нивы» самостоятельно, исходя из боевой обстановки. По завершении операции эвакуации экипажа и десанта упавшего вертолета МИ-8 было проведено прочесывание местности в районе падения вертолета. В результате прочесывания местности была обнаружена уничтоженная «Нива», рядом с которой были обнаружены несколько ручных гранат, стреляные автоматные гильзы, окровавленный жилет-разгрузка».

90. Подполковник А., должность которого неизвестна, поскольку личные сведения о нем из протокола удалены, показал на допросе 6 мая 2001 г., что именно он 6 августа 2000 года командовал боевой группой, состоящей из вертолета МИ-8, сбитого боевиками, и двух вертолетов МИ-24, которым было поручено осуществлять прикрытие вертолета МИ-8. Он показал, что группа специального назначения, которой он руководил, в обстреле автомобиля «Нива» не участвовала, и об обстоятельствах обстрела вертолетами автомобиля ему ничего не известно.

91. Согласно показаниям от 23 апреля 2001 г. г-на И., следователя Сунженской районной прокуратуры, он был вызван на место происшествия с автомобилем «Нива» 6 августа 2000 г. К моменту его прибытия на место разбитый автомобиль и трупы уже были убраны. Г-н И. произвел осмотр места происшествия и обнаружил осколки снарядов, фрагменты разбитых фар автомобиля и пятна крови. Согласно его показаниям, им не было обнаружено гранат, стреляных автоматных гильз и жилета-разгрузки.

92. Г-н Б., который в рассматриваемый период работал водителем в МВД Республики Ингушетия и присутствовал на месте происшествия в качестве свидетеля 6 августа 2000 г., показал на допросе 23 апреля 2001 г., что видел сильно поврежденный автомобиль «Нива», два трупа на расстоянии 12-15 метров и многочисленные воронки и осколки снарядов. Г-н Б. показал, что видел ручную гранату Ф-1, лежавшую между автомобилем и одним из трупов. По его словам, он не видел огнестрельного оружия, стреляных автоматных гильз и жилета-разгрузки на месте происшествия; рядом с трупами г-н Б. видел только косы.

93. Пилоты двух вертолетов МИ-24, обстрелявших автомобиль "Нива" 6 августа 2000 г., были допрошены 22 и 23 января, соответственно. Из протоколов допросов были удалены настоящие имена, фамилии и другие личные данные пилотов. Командиры экипажей вертолетов обозначены фамилиями «Иванов» и «Петров», а летчик-оператор, работавший вместе с «Ивановым», обозначен как "Сидоров".

94. Свидетель «Иванов» показал, что 6 августа 2000 г. участвовал в спасательной операции в качестве пилота - командира экипажа ведущего вертолета в паре вертолетов МИ-24. Команду на взлет и выполнение задач ставил командир войсковой части 06652, которому в свою очередь ставилась задача командным пунктом ОГВ (с) в н.п. Ханкала Чеченской Республики. По словам «Иванова», около 13 часов он заметил белый автомобиль "Нива", рядом с которым находились пять [а не шесть] человек; в руках у всех пятерых было автоматическое оружие. Он заметил этих людей невооруженным глазом с расстояния двух километров и с высоты 100-150 метров, но настаивал на том, что ясно видел у них в руках оружие и что летчик-оператор «Сидоров» наблюдал за ними с помощью прибора наведения управляемых ракет с 10-кратным увеличением. О том, что увидел, он доложил на командный пункт, откуда ему сообщили, что будут выяснять, кем являются эти пять человек. Экипажи вертолетов в это время продолжали вести наблюдение. Автомобиль стоял на месте, а пятеро человек перемещались вокруг него. Примерно через 15 минут с командного пункта в Ханкале поступил приказ на уничтожение автомобиля. По его словам, «Иванов» не знает, кто из должностных лиц отдал этот приказ. Тогда «Иванов» попросил продублировать приказ, что и было сделано. После этого он сделал предупредительный выстрел перед автомобилем на расстоянии около 50 метров с целью

предупредить находящихся рядом с ним людей о том, чтобы они оставались на месте до подхода наземного подразделения. После предупредительного выстрела люди сели в автомобиль и начали движение в сторону н.п. Аршты. Об этом «Иванов» доложил на КП в Ханкале и повторно получил приказ об уничтожении автомобиля. Он произвел еще одну предупредительную очередь из пушки, но автомобиль продолжал движение. Произведя третью очередь, «Иванов» попал в автомобиль «Нива», который остановился, но из автомобиля никто не вышел. Об этом «Иванов» сообщил на командный пункт и ушел на базу, поскольку у его вертолета заканчивалось топливо. «Иванов» настаивал на том, что не знает фамилий и званий должностных лиц, отдавших приказ на уничтожение автомобиля, а сомнений в том, что указанные пять человек являлись участниками незаконных вооруженных формирований, у него не было, поскольку они были вооружены. Он указал, что «люди на [«Ниве»] должны были остановиться на предупредительный выстрел; об этом знает все население в районе боевых действий».

95. Свидетель «Петров» показал, что 6 августа 2000 г. участвовал в спасательной операции в качестве пилота - командира экипажа ведомого вертолета в паре вертолетов МИ-24. Он подтвердил, что с расстояния двух километров видел белую «Ниву» и пятерых [а не шестерых] вооруженных людей, которые после произведенного «Ивановым» предупредительного выстрела сели в машину и начали движение, хотя «все знают, что при выстреле и даже пролете вертолета машина должна остановиться». «Петров» показал, что не имел права переговариваться с КП, но слышал радиопереговоры своего ведущего «Иванова» и подтвердил, что «Иванов» докладывал на КП о наличии автомобиля и людей и дважды получил команду уничтожить автомобиль. После получения от КП второго приказа «Иванов» дал команду «Петрову» открыть огонь по автомобилю, и «Петров» произвел обстрел машины из пулемета калибра 12,7 мм, а «Иванов» - из автоматической пушки 30-мм калибра. Автомобиль остановился, но из него никто не вышел. Затем «Петров» ушел на базу, поскольку у него заканчивалось топливо. «Петров» показал, что не знает фамилий и воинских званий должностных лиц, которые вели переговоры с «Ивановым» 6 августа 2000 г.

96. Свидетель «Сидоров» показал, что 6 августа 2000 г. был летчиком-оператором вертолета МИ-24 под командованием «Иванова» и что заметил автомобиль «Нива» и пятерых [а не шестерых] человек с автоматическим оружием через прицел с 10-кратным увеличением, о чем доложил «Иванову». Затем он сообщил следующее:

«Я четко слышал, как майор [«Иванов»] доложил об автомобиле на [удалено] и на [удалено]. Приблизительно через 10 минут поступила команда с [удалено] (Ханкала) открыть предупредительный огонь. «Иванов» выстрелил из пушки перед автомобилем. Люди сели в автомобиль и поехали к пос. Аршты и не стали останавливаться. О том, что необходимо остановиться, местное население все знает. [«Иванов»] доложил на [удалено], что автомобиль не остановился. Поступила команда еще дать предупредительный огонь. [«Иванов»] сделал еще

заход и выстрелил перед автомобилем из пушки, но автомобиль не остановился. [«Иванов»] доложил [удалено] о ситуации с автомобилем. Оттуда поступила команда произвести огонь на поражение. [«Иванов»] произвел огонь на поражение, автомобиль остановился, и я видел, как два человека выбежали и побежали в лес. [«Иванов»] доложил на [КП] о том, что автомобиль остановился, и после этого сообщил [удалено] о месте нахождения автомобиля с целью досмотра людей в автомобиле».

97. Из показаний, данных 23 января 2001 г. полковником Д., следует, что в рассматриваемый период он являлся командиром [удалено] отдельной вертолетной дивизии, и что 6 августа 2000 г. он слышал радиопереговоры между вертолетами МИ-8 и КП. Он подтвердил, что пилоты доложили о наличии автомобиля «Нива» и вооруженных людей рядом с ним, что поступила команда сделать предупредительный выстрел, после чего экипажи доложили, что люди сели в автомобиль и пытаются скрыться, и затем с КП поступила команда на поражение автомобиля.

98. Офицер М., военный эксперт, сообщил при опросе 20 апреля 2003 г., что действия пилотов вертолетов МИ-24, обстрелявших группу людей 6 августа 2000 г., полностью соответствовали действующим воинским уставам и нормам международного права и были оправданы обстоятельствами. Эксперт признал, что, возможно, пилоты приняли сельхозинвентарь, в частности, косы, за огнестрельное оружие, но отметил, что экипажи вертолетов были полностью уверены в том, что замеченные ими люди были вооружены, и что последние не обозначили себя в качестве гражданских лиц и попытались скрыться.

(с) Документы, относящиеся к следственным действиям.

99. В протоколе осмотра места происшествия от 6 августа 2000 г. указано наличие большого числа воронок и металлических осколков неправильной формы, фрагментов разбитого стекла задней фары, брызговика от автомобиля и обширного пятна бурого цвета, напоминающего кровь. Также на месте происшествия была обнаружена металлическая часть косы.

100. Заключение экспертов, проводивших 6 августа 2000 г. наружный осмотр трупов Халида Хадиева и Казбека Акиева, свидетельствуют о наличии множественных кровотокающих ран неправильной формы, идущих в направлении сверху вниз.

101. Заключение судмедэкспертизы трупов Халида Хадиева и Казбека Акиева 3 сентября 2001 г., основанные на упомянутых выше двух заключениях от 6 августа 2000 г., подтверждают наличие на трупах огнестрельных ранений, факт наступления смерти обоих мужчин в результате этих ранений и существующую вероятность того, что ранения были нанесены при указанных в материалах дела обстоятельствах.

102. Комиссия в составе двух военных экспертов – М. (см. выше п. 98) и К., установила следующее в своем заключении от 20 марта 2002:

«Согласно правилам, действующим на территории Чеченской Республики и соседних регионов, водитель любого транспортного средства обязан при виде

военного вертолета остановить машину, выйти из нее и обозначить себя. Следовательно, экипаж имел право уничтожить автомобиль, который уезжал с места атаки, не будучи обозначен установленным образом (белый флаг, зеленый сигнальный фонарь)».

В экспертном заключении делается вывод о том, что действия пилотов были оправданы обстоятельствами.

103. Представленные Правительством материалы указывают на то, что следствием были направлены запросы и обращения в различные государственные органы в связи с расследованием дела. В частности, 1 декабря 2000 г. военной прокуратурой в/ч 20102 военному прокурору Курского гарнизона направлено обращение с просьбой установить, действительно ли пилоты, обстрелявшие автомобиль «Нива» согласовывали свои действия с вышестоящими командирами, установить личность этих командиров и выяснить, кто принял решение об обстреле автомобиля «Нива». Неясно, была ли выполнена указанная просьба, поскольку в предоставленных Правительством материалах соответствующие документы отсутствуют.

2. Постановления внутригосударственных судебных органов

104. Правительством были представлены копии постановлений российских судов по гражданским делам, не связанным с рассматриваемой жалобой. Сюда входили постановления суда первой инстанции и апелляционной инстанции по делу о возмещении материального ущерба, нанесенного военнослужащими в Ингушетии, постановления суда первой инстанции и апелляционной инстанции о возмещении ущерба первому заявителю в деле *Khashiyev and Akayeva v. Russia* (№№ 57942/00 и 57945/00, постановление от 24 февраля 2005 г.) в связи с гибелью его родственников в Чечне и постановления суда первой инстанции и апелляционной инстанции, содержащие отказ в возмещении материального ущерба, нанесенного военнослужащими в Ингушетии,

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

105. До 1 июля 2002 г. вопросы уголовного права регулировались Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, принятым в 1960 г. С 1 июля 2002 г. вместо старого УПК РСФСР стал действовать новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ).

106. Согласно статье 125 УПК, постановления дознавателя, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования., уполномоченный проверять законность и обоснованность данных решений .

107. Статья 161 УПК РФ запрещает разглашение данных предварительного следствия. В части 3 той же статьи указано, что данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

1. Информация, предоставленная сторонами

108. Правительство утверждало, что заявителями не были использованы имеющиеся в их распоряжении средства правовой защиты на внутригосударственном уровне. В частности, заявители не обжаловали в судебном порядке, установленном статьей 125 УПК РФ, действия или бездействие органов, производивших следствие по уголовному делу, возбужденному в связи со смертью Халида Халиева и Казбека Акиева, а также не обжаловали постановление от 23 апреля 2003 г. о прекращении производства по уголовному делу. Правительство оспорило аргумент заявителей о том, что они не могли воспользоваться этим правом, поскольку не были признаны потерпевшими по уголовному делу, и указало, что данное положение позволяет любому лицу, а не только участникам уголовного процесса, обращаться в суд с соответствующими жалобами и заявлениями. Далее Правительство утверждало, что заявители могли предъявить в суд гражданский иск о возмещении ущерба, причиненного смертью их родственников, однако не воспользовались данным средством правовой защиты.

109. Заявители оспорили это возражение Правительства. Они утверждали, что продолжающаяся административная практика отказа властей от проведения адекватного расследования преступлений, совершенных представителями федеральных сил в Чечне и Ингушетии, делает любые потенциально эффективные средства правовой защиты неадекватными и иллюзорными в их конкретном случае. В связи с этим они ссылались на жалобы, поданные в Суд другими лицами, считающими себя жертвами подобных нарушений, на документы правозащитных неправительственных организаций и на сообщения СМИ. Заявители также утверждали, что были отстранены от участия в уголовном процессе, поскольку ни один из них не был признан потерпевшим и по национальному законодательству не имел

права обжаловать решения следственных органов. Вместе с тем они активно пытались участвовать в расследовании и неоднократно обращались в различные правоохранительные органы, в том числе в органы прокуратуры, с просьбами сообщить им о предпринятых следственных действиях и о ходе расследования уголовного дела, а также о признании потерпевшими двух первых заявителей – матерей убитых. На основании этого заявители утверждали, что хотя и обращались к средствам правовой защиты, которые обычно предусмотрены внутригосударственным законодательством, в их случае обращение к этим средствам защиты не принесло результата.

2. Оценка Суда

110. Суд отмечает, что в своем решении от 23 октября 2006 г. указал на тесную связь вопроса об исчерпании внутригосударственных средств защиты с содержанием настоящей жалобы заявителей, и этот вопрос должен рассматриваться совместно с рассмотрением существа дела. Далее Суд приводит свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики.

111. Суд напоминает о том, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты согласно Статье 35 § 1 Конвенции налагает на Заявителей обязанность вначале использовать средства правовой защиты, которые обычно доступны и достаточны в рамках национальной правовой системы для восстановления нарушенных прав. Наличие таких средств правовой защиты должно быть в достаточной степени установленным как в теории, так и на практике - в противном случае данные средства не являются доступными и эффективными. Статья 35 § 1 также требует, чтобы жалобы, которые впоследствии подаются в Суд, первоначально подавались в надлежащие национальные органы, по крайней мере, по существу вопроса и в соответствии с официальными требованиями национального законодательства, и чтобы вначале были предприняты все процессуальные шаги, которые могут предотвратить нарушение Конвенции. Однако заявитель не обязан прибегать к средству правовой защиты, которое неадекватно или неэффективно (см. *Aksoy v. Turkey* постановление от 18 декабря 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996 VI, стр. 2275-76, §§ 51-52; *Akdivar and Others v. Turkey*, постановление от 16 сентября 1996 г., *Отчеты 1996 IV*, стр. 1210, § 65-67; и из последних по времени, *Cennet Ayhan and Mehmet Salih Ayhan v. Turkey*, по. 41964/98, § 64, 27 июня 2006 г.).

112. В настоящем деле в части возражения Правительства относительно того, что заявители не предъявили гражданский иск о возмещении вреда, причиненного им в результате смерти родственников, Суд указывает, что согласно его прошлым постановлениям в ряде аналогичных случаев, такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции. Рассмотрение гражданского иска в суде не предполагает проведения независимого

расследования и в отсутствие результатов следствия по уголовному делу гражданское судопроизводство не способно привести к установлению участников нападения, ставшего причиной смерти, и тем более установить степень их ответственности. Кроме того, обязательства Государства в рамках Статей 2 и 13 Конвенции по организации расследования, способного привести к установлению и наказанию ответственных в совершении преступления, стало бы иллюзорным, если бы в случае жалоб на нарушение данных Статей заявитель должен был бы использовать средство правовой защиты, способное привести лишь к присуждению компенсации (см. *Yaşa v. Turkey*, постановление от 2 сентября 1998 г., *Отчеты 1998 VI*, стр. 2431, § 74, и *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, № 57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005 г.). В свете вышесказанного Суд считает, что заявители не были обязаны подавать гражданский иск и что эту часть предварительных возражений Правительства следует отклонить.

113. В части возражений Правительства относительно того, что заявители не обращались в суд с жалобами на действия и бездействие органов следствия и не обжаловали в суде решение от 24 апреля 2003 г. о прекращении предварительного следствия по делу об атаке 6 августа 2000 г., Суд подчеркивает, что применение правила об исчерпании внутригосударственных средств защиты должно учитывать тот факт, что оно применяется в контексте механизмов защиты прав человека, которые обязалось создать Государство. В соответствии с этим Суд признает, что Статью 35 § 1 следует применять с некоторой степенью гибкости и без излишнего формализма. Суд далее признает, что данное правило не является ни абсолютным, ни подлежащим автоматическому применению; чтобы проверить, было ли оно соблюдено, необходимо учесть обстоятельства конкретного дела. Это означает, в частности, что Суд должен принять во внимание не только наличие формальных средств правовой защиты в правовой системе Государства, но и общий контекст применения этих средств, наряду с рассмотрением личных обстоятельства заявителя. После этого Суд должен оценить, предпринял ли заявитель при всех обстоятельствах данного дела все меры, которые с разумной точки зрения можно от него/нее ожидать, для исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты (см. цитируемое выше постановление по делу *Akdivar and Others*, стр. 1211, § 69; цитируемое выше постановление по делу *Aksoy* стр. 2276, §§ 53-54; и *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 82, ECHR 1999 IV).

114. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства вызывает сомнения, непосредственно связанные с вопросом об эффективности расследования, а потому Суд считает уместным обратиться к нему в рамках рассмотрения по существу жалоб заявителей на нарушение Статьи 2 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

115. Жалоба заявителей состояла в том, что их родственники были убиты, а органами государственной власти в этой связи не было проведено эффективное расследование. Заявители ссылались на Статью 2 Конвенции, которая гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

A. Предполагаемый отказ в защите права на жизнь

1. Информация, предоставленная сторонами

(a) Заявители

116. Заявители оспаривали изложенную Правительством версию событий 6 августа 2000 г. как недостоверную. Они категорически отрицали утверждение Правительства о том, что Халид Хациев, Казбек Акиев и остальные четверо мужчин в момент, когда их видели пилоты вертолетов МИ-24, были вооружены. Со ссылкой на многочисленные публикации в СМИ заявители утверждали, что был очевиден факт принадлежности шестерых к гражданским лицам, которые косили сено в открытом поле и не представляли опасности ни для гражданского населения, ни для военных.

117. Далее заявители утверждали со ссылкой на показания очевидцев, что пилоты вертолетов МИ-24 не производили предупредительных выстрелов перед тем, как обстреляли автомобиль "Нива" и убили их родственников. Заявители также выразили сомнение в том, что у пилотов была возможность согласовать свои действия с командованием, поскольку огневая атака была очень быстрой. Заявители утверждали, что пилоты не проявили осторожности при применении огня на поражение в той степени, в какой это ожидается от сил по охране правопорядка в демократическом обществе.

118. Заявители указали на то, что власти не уведомили их о проведении какой-либо спецоперации в окрестностях с. Аршты в день происшествия, и именно поэтому их родственники вышли работать в поле вместо того, чтобы остаться дома.

119. Далее со ссылкой на утверждения высокопоставленных должностных лиц Ингушетии заявители обратили внимание на тот факт, что вертолет МИ-8 подвергся нападению с территории Чеченской Республики, а не Ингушетии. Заявители также утверждали, что власти не дали никаких разъяснений на предмет того, какие действия следует предпринимать гражданским лицам, оказавшимся в зоне контртеррористической операции, и что в любом случае территория Сунженского района Республики Ингушетия не была частью этой зоны, поскольку расположена на некотором отдалении от административной границы между Ингушетией и Чечней. Они также подчеркнули, что в Республике Ингушетия не вводилось чрезвычайное положение.

120. На основании этого заявители утверждали, что применение силы Государством, приведшее к лишению жизни их родственников, со всей очевидностью было непропорциональным и не может быть оправдано в свете Статьи 2 п. 2 Конвенции. Они также утверждали, что спецоперация 6 августа 2000 г. не была должным образом спланирована и не проводилась властями так, чтобы свести к минимуму (насколько возможно) применение силы, влекущей лишение жизни (см. *McCann v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 г., Series A no. 324, § 194).

(b) Правительство

121. Правительство согласилось с тем, что родственники заявителей были лишены жизни агентами Государства. Но при этом представители Правительства утверждали, что родственники заявителей были убиты в ходе контртеррористической операции, проводимой федеральными силами с целью законного задержания участников незаконных вооруженных формирований, пресечения дальнейшей противоправной деятельности последних и обеспечения, таким образом, общественной безопасности в регионе.

122. Правительство настаивало на том, что с момента начала контртеррористической операции органами государственной власти и управления, военным командованием были приняты необходимые меры по обеспечению безопасности гражданского населения, проживающего в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации и, в частности, с жителями Республики Ингушетия была проведена соответствующая разъяснительная работа об опасности нахождения вблизи административной границы с Чеченской Республикой, а также о порядке совершения конкретных действий предупреждающего характера (подача условных сигналов о непринадлежности к НВФ) в случае, когда они оказались в районе проведения контртеррористической операции.

123. Далее Правительство утверждало, что при планировании и проведении операции 6 августа 2000 г. воинские должностные лица и их подчиненные строго руководствовались требованиями национального законодательства, а также установленными правилами,

регламентирующими обеспечение безопасности местного населения, и порядком принятия решения и отдачи приказа о применении средств поражения. Правительство признало, что «в материалах предварительного следствия отсутствует информация о том, что военнослужащим были заранее даны указания избегать потерь среди гражданского населения» при проведении операции 6 августа 2000 г., но утверждало, что согласно соответствующим правилам, «каждый военнослужащий обязан знать и строго соблюдать правила обращения с гражданским населением в зоне военных действий». Правительство отказалось предоставить более подробные сведения о планировании и проведении операции, о которой идет речь, ссылаясь на интересы национальной безопасности РФ.

124. Правительство признало, в силу отсутствия соответствующих сведений в материалах уголовного дела, что население с. Аршты не было заранее предупреждено об операции 6 августа 2000 г., но утверждало, что в таком предупреждении не было необходимости. В обоснование последнего утверждения Правительство указало, во-первых, на то, что целью операции было выявление и задержание участников НВФ, а потому применение средств поражения не предполагалось; во-вторых, что операция проводилась на достаточном удалении (8 км) от с. Аршты, и, в-третьих, что в операциях такого рода «всегда присутствует элемент неожиданности и секретности», поскольку «знакомые и родственники участников НВФ могут предупредить их о действиях, планируемых федеральными силами». Правительство утверждало, что в любом случае Халид Хациев и Казбек Акиев были осведомлены о проведении военной операции 6 августа 2000 г., поскольку видели в тот день подолгу находящиеся в небе военные вертолеты. Поэтому Правительство настаивало на том, что со стороны властей отсутствие предупреждения жителей с. Аршты о готовящейся операции 6 августа 2000 г. не означало, что власти не приняли необходимых мер по защите гражданского населения.

125. Далее Правительство указало, что несмотря на общее предупреждение жителям держаться подальше от зоны контртеррористической операции в Чечне, в том числе от административной границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой, группа из шести человек, включая родственников заявителей, оказалась в зоне операции и в непосредственной близости (4 км) от места падения вертолета федеральных сил и последующего нападения боевиков на наземную группу спасателей. Кроме того, эти люди нарушили установленные требования, в том числе не обозначив себя белой тканью, и пытались скрыться на автомобиле, в результате чего пилоты вертолетов МИ-24 федеральных войск приняли их за участников НВФ. В связи с изложенным Правительство сделало вывод о том, что смерть родственников заявителей «явилась...результатом несоблюдения местными жителями установленных правил обеспечения личной

безопасности в районе проведения уполномоченными государством лицами мероприятий контртеррористического характера»

126. С другой стороны, Правительство настаивало на том, что пилоты ясно видели в руках у людей автоматы, что повлияло на принятие решения об обстреле группы, поскольку это могли быть участники НВФ. При этом Правительство указывает, что «в материалах уголовного дела отсутствуют сведения», позволяющие сделать вывод о применении данными лицами огнестрельного оружия против пилотов, и что в любом случае автоматическое оружие «не может эффективно поразить цель на расстоянии более километра», а пилоты вели наблюдение за группой с расстояния двух километров и с высоты 100-150 метров. Правительство сообщило, что после проведения спасательной операции военные осмотрели прилегающую местность и нашли там автомобиль «Нива», несколько ручных гранат, стреляные автоматные гильзы и жилет-разгрузку с пятнами крови, в то время как согласно протоколу осмотра места происшествия, проведенного в тот же день в интервале с 20.10 до 21.30 часов, огнестрельного оружия и боеприпасов обнаружено не было. В отношении последнего факта Правительство утверждало, что до прибытия сотрудников правоохранительных органов на месте происшествия могли побывать как военнослужащие, так и лица, которые отвезли тела убитых в село.

127. И, наконец, обстрел автомобиля «Нива», приведший к смерти родственников заявителей, был произведен пилотами исключительно по согласованию с командованием и только после нескольких предупредительных выстрелов.

128. Исходя из этого, Правительство делает вывод, что с учетом факта возможной принадлежности шести человек, подвергшихся обстрелу, к НВФ, лишение жизни родственников заявителей было оправданным, поскольку применение средств поражения в данном случае было абсолютно необходимым в значении Статьи 2 § 2 (a) и (b) Конвенции.

2. Оценка Суда

129. Суд напоминает о том, что Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое в мирное время не может быть объектом частичной отмены, предусмотренной Статьей 15. Ситуации, в которых может быть оправдано лишение жизни, представляют собой исчерпывающий перечень и подлежат ограничительному толкованию. Применение силы, способной привести к лишению жизни, должно быть "абсолютно необходимым" для достижения одной из целей, установленных в Статье 2 § 2 (a), (b) и (c). Термин «абсолютная необходимость» обуславливает применение более строгих и убедительных критериев необходимости, чем те, что обычно используются для установления того, является ли действие

Государства «необходимым в демократическом обществе» согласно пп. 2 Статей 8 и 11 Конвенции. Исходя из этого, применение силы должно быть строго пропорционально результату, каковым является достижение допустимых целей. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особенно тщательному изучению, особенно в случае намеренного применения средств поражения, с учетом не только действий агентов Государства, фактически применяющих такие средства, но и сопутствующих обстоятельств, в том числе таких, как планирование и осуществление рассматриваемых действий (см. *McCann and Others*, цит. выше, §§ 146 50; *Andronicou and Constantinou v. Cyprus*. постановление от 9 октября 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997 VI, стр. 2097 98, § 171; и *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 78, ECHR 1999 III).

130. В настоящем деле обе стороны признают, что Халид Хациев и Казбек Акиев были лишены жизни агентами Государства в результате намеренного применения средств поражения. Таким образом, имеет место ответственность Государства.

131. Далее Суд должен установить, можно ли назвать применение силы военнослужащими федеральных сил против родственников заявителей абсолютно необходимым и потому строго пропорциональным желаемому результату – достижению целей, предусмотренных в п. 2 статьи 2.

132. Суд отмечает разногласия между сторонами относительно того, действительно ли шестеро подвергшихся обстрелу мужчин, включая двух родственников заявителей, имели при себе огнестрельное оружие в момент огневой атаки. По утверждению заявителей, было очевидно, что шестеро мужчин являлись невооруженными гражданскими лицами, косившими сено, а Правительство выдвигало возражения на этот счет. С одной стороны, Правительство готово было признать, что родственники заявителей являлись местными жителями и не были вооружены, но настаивало на том, что они подверглись обстрелу из-за собственной небрежности, поскольку не обозначили себя как гражданские лица. С другой стороны, Правительство также утверждало, что шестеро мужчин, обнаруженные военными пилотами в поле поблизости от места падения сбитого вертолета федеральных сил, имели при себе автоматическое оружие и потому могли быть участниками НВФ.

133. В отсутствие каких-либо доказательств помимо показаний пилотов и офицера Л., Суд выражает сомнение относительно того, что шестеро мужчин, включая Халида Хациева и Казбека Акиева, были вооружены на момент огневой атаки, учитывая, в частности, что огнестрельного оружия на месте происшествия замечено не было (см. пп. 87, 91, 92 и 99). Не было предъявлено никаких доказательств того, что жертвы вели огонь по вертолетам либо иным образом подвергали опасности жизнь пилотов. В любом случае, Суд не считает

необходимым установление фактов в данном вопросе по следующим причинам.

134. Суду известно о трудностях, имевших место в рассматриваемый период времени на соседней территории - в Чеченской Республике и требовавших от Государства принятия чрезвычайных мер для подавления противоправной деятельности НВФ (см. *Isayeva and Others v. Russia*, nos. 57947/00, 57948/00 и 57949/00, § 178, 24 февраля 2005 г.). С учетом этого и допуская, что пилоты федеральных сил искренне считали двух родственников заявителей и остальных четверых мужчин вооруженными автоматическим оружием в момент, когда заметили их, Суд тем не менее не считает, что этот факт как таковой оправдывал применение средств поражения в отношении данных лиц, и считает, что необходимо учесть ряд обстоятельств, сопутствовавших инциденту.

135. Прежде всего, Суд отмечает, что имеющиеся в его распоряжении многочисленные доказательства убедительно свидетельствуют о том, что пилоты приняли решение об уничтожении автомобиля с находящимися в нем людьми не по собственной инициативе, а выполняя обязательный для них приказ командиров (см. пп. 25, 47, 77 и 85 выше). В связи с этим Суд должен убедиться, действительно ли, принимая данное решение, командиры проявили необходимую степень осторожности и соответствующую осмотрительность, которых можно ожидать от сотрудников органов правопорядка в демократическом обществе (см. *McCann and Others*, цит. выше, § 212), в соответствии со Статьей 2 Конвенции, и в частности, насколько их приказы пилотам, делавшие неизбежным применение средств поражения, были отданы с учетом права на жизнь двух родственников заявителей.

136. Согласно имеющимся в распоряжении Суда материалам, пилоты доложили на КП о том, что увидели группу как минимум из пяти человек, вооруженных автоматами и стоящих около автомобиля "Нива". На КП ответили, что будут выяснять личность этих людей, а через 15 минут приказали уничтожить и автомобиль, и людей, подтвердив приказ по просьбе пилотов. Из представленных документов не следует, и Правительство также не утверждало, что пилоты сообщили на КП какие-либо подробности относительно замеченных лиц, помимо указанных выше. Кроме того, не представляется вероятным и не утверждалось Правительством, что вышестоящие офицеры на КП запрашивали какие-либо дополнительные сведения с целью правильно оценить ситуацию и принять адекватное решение. В частности, пилотов не попросили сообщить о состоянии видимости в районе их местонахождения, о расстоянии между местом падения вертолета федеральных сил и группой якобы вооруженных людей, является ли территория населенной, подверглись ли экипажи – или могли подвергнуться – огневой атаке, пытаются ли замеченные пилотами люди скрыться и требует ли ситуация от пилотов принятия срочных мер, а также другие

подробности. Кроме того, представляется весьма сомнительным, что командиры установили личность двух родственников заявителей и других мужчин прежде чем отдавать приказ об их уничтожении, учитывая чрезвычайно короткий промежуток времени между первым докладом пилотов и приказом. Напротив, в представленных материалах нет ничего, позволяющего предположить, что они установили или хотя бы попытались установить личность этих людей.

137. Суд считает, что перечисленные обстоятельства указывают на недостаточную добросовестность представителей власти при оценке доложенной пилотами ситуации и при отдавании приказа на поражение шестерых человек, включая Халида Хациева и Казбека Акиева, которые были убиты в результате атаки.

138. Учитывая вышесказанное, Суд не убежден в том, что лишение жизни Халида Хациева и Казбека Акиева, даже если допустить, что они были вооружены, явилось результатом применения силы в ситуации абсолютной необходимости для достижения целей, предусмотренных Статьей 2 § 2 (а) и (b) Конвенции.

139. Более того, допуская, что шестеро человек, включая родственников заявителей, в момент их обстрела представителями Государства вооружены не были, как это утверждают заявители, Суд особо отмечает довод Правительства о том, что родственники заявителей были лишены жизни по причине собственной небрежности, а именно, в результате несоблюдения ими установленных правил обеспечения личной безопасности в районе проведения уполномоченными государством лицами мероприятий контртеррористического характера. Оставляя открытым вопрос о том, может ли быть оправдано в соответствии со Статьей 2 § 2 Конвенции применение Государством средств поражения против гражданских лиц за одно лишь несоблюдение последними официально установленных правил безопасности в зоне вооруженного конфликта, Суд ни в коем случае не видит оправдания применению средств поражения в обстоятельствах настоящего дела, учитывая, что власти не предупреждали жителей с. Аршты об операции 6 августа 2000 г. (см. выше п. 124), и представляется весьма сомнительным, чтобы жители Республики Ингушетия, и, в частности, жители с. Аршты когда-либо были проинформированы о правилах поведения при встрече с представителями федеральных сил (см. выше пп. 86-87).

140. В связи с вышеозначенными обстоятельствами имело место нарушение Статьи 2 Конвенции.

В. Предполагаемая неэффективность расследования

1. Информация, предоставленная сторонами

141. Заявители утверждали, что власти не выполнили свое обязательство провести эффективное расследование обстоятельств смерти их родственников. По мнению заявителей, расследование не соответствовало требованиям национального законодательства и

нормам Конвенции. В частности, оно продолжалось почти три года и на протяжении этого срока было приостановлено по крайней мере пять раз. Заявители утверждали, что не был предпринят целый ряд следственных действий либо эти действия были предприняты со значительной задержкой. На всем протяжении расследования первые два заявителя обращались с просьбами о признании их потерпевшими по уголовному делу, но не получили ни одного ответа на свои просьбы. Власти не ставили заявителей в известность о ходе следствия и не информировали их о произведенных следственных действиях, а также неоднократно отклоняли их просьбы об ознакомлении с материалами уголовного дела. Кроме того, заявителям не была направлена копия постановления от 24 апреля 2003 г. о прекращении уголовного дела, начатого в связи со смертью родственников заявителей.

142. В своих замечаниях, направленных в Суд после принятия решения о приемлемости, заявители также утверждали, что следствие по делу вела военная прокуратура, которую нельзя считать беспристрастным и независимым органом при обстоятельствах, подобных тем, что присутствуют в настоящем деле, когда прокуратура расследует предполагаемую причастность военнослужащих к совершению преступления.

143. Правительство утверждало со ссылкой на Генеральную прокуратуру, что следствие, проведенное по настоящему делу, соответствовало требованиям Конвенции к эффективности. Уголовное дело было возбуждено в день событий и расследование по делу проводилось в полном соответствии с положениями российского законодательства. Следственными органами были проведены все необходимые действия, в частности, осмотрено место происшествия, проведена судебно-медицинская экспертиза, изъяты и изучены относящиеся к делу документы и допрошены свидетели из числа местных жителей и военнослужащих. Решение о прекращении производства по делу было принято на основе данных предварительного следствия, и доведено до сведения заявителей.

2. Оценка Суда

144. Суд напоминает, что обязанность защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции, истолкованная в совокупности с общим правилом Статьи 1 Конвенции: «обеспечивать каждому лицу, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции», означает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование в какой-либо форме всех случаев гибели людей в результате применения силы, особенно агентами Государства. Такое расследование должно быть эффективно в том смысле, что оно должно вести к установлению и наказанию лиц несущих ответственность за преступление (см. цитируемое выше постановление по делу *Oğur*, § 88). В частности, подразумевается требование незамедлительного начала такого расследования и проведения его в

разумные сроки (см. цитируемое выше постановление по делу *Yaşa*, § 102-04, и *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, ECHR 2000-III, §§ 106-07). Следует признать возможность возникновения препятствий или трудностей, мешающих проведению расследования в конкретной ситуации. Однако незамедлительное реагирование властей путем расследования случаев применения силы, повлекшей лишение жизни, можно считать в целом необходимым для поддержания в обществе веры в верховенство закона и во избежание впечатления пособничества противоправным действиям или терпимого отношения к ним. По тем же причинам для обеспечения подотчетности не только в теории, но и на практике необходим элемент адекватного общественного контроля над ходом следствия и его результатами. Требуемая степень общественного контроля может быть разной в различных случаях. Однако во всех случаях ближайший родственник жертвы должен участвовать в процессуальных действиях в такой степени, в какой это необходимо для обеспечения его (ее) законных интересов (см. *Shanaghan v. the United Kingdom*, no. 37715/97, §§ 91-92, 4 мая 2001 г.).

145. В настоящем случае Суд отмечает, что в некотором объеме расследование убийства родственников заявителей проведено было. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

146. Суд отмечает, что расследование было начато в день нападения, а некоторые первоначальные следственные действия, такие как осмотр места происшествия, предварительное судебно-медицинское освидетельствование трупов и опрос очевидцев нападения, были произведены незамедлительно (см. пп. 28, 64, 86, 99 и 100 выше). Однако после передачи дела в военную прокуратуру двумя днями позже (см. п. 66) следствие, по всей видимости, стало затягиваться и возникли необъяснимые пробелы и задержки в производстве самых элементарных действий. В частности, по-видимому, так и не была проведена баллистическая экспертиза, хотя она могла бы пролить свет на обстоятельства происшествия, если учесть утверждения пилотов о том, что обстрелянные ими лица были вооружены, и сообщения военного командования, что при осмотре места происшествия военнослужащими были найдены стреляные гильзы от автоматического оружия. Кроме того, не проводились ни вскрытие, ни дальнейшая судебно-медицинская экспертиза трупов, помимо предварительного судебно-медицинского освидетельствования 6 августа 2000 г., а заключение судмедэкспертизы от 3 сентября 2001 г. основано исключительно на результатах этого первоначального освидетельствования.

147. К тому же, несмотря на изобилие фактов, свидетельствующих о причастности военнослужащих федеральных войск к огневой атаке 6 августа 2000 г. и к убийству двух родственников заявителей, создается впечатление, что на ранних стадиях расследования не было сделано реальных попыток установить личности агентов Государства,

отдавших приказ об обстреле группы людей, включая родственников заявителей, и выполнивших этот приказ. В связи с этим Суд отмечает, что расследование приостанавливалось не менее двух раз - 30 октября и 30 декабря 2000 г. (см. выше пп. 69 и 72) - по причине неустановления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. В этой связи Суд отмечает, что вряд ли личности участников операции 6 августа 2000 г. были неизвестны властям или что их нельзя было установить сразу же после происшествия. Кроме того, если личности участвовавших в операции пилотов федеральных сил были все же установлены годом позже, личности их командиров, отдавших приказ об обстреле, по-видимому, установлены не были. В частности, постановлением от 15 декабря 2001 г. было принято решение о прекращении уголовного преследования в части действий командира, отдавшего приказ об обстреле а/м "Нива" и находящихся в ней людей, без каких-либо указаний на то, была ли установлена личность этого командира (см. выше п. 76). Кроме того, в указанном постановлении единственным основанием для прекращения уголовного преследования было то, что приказ о применении огня на поражение был оправдан обстоятельствами дела, но не было дано никакой оценки этого приказа или каких-либо разъяснений на этот счет. Не было предпринято никаких дальнейших попыток анализа отданного приказа, а эта часть уголовного дела так и осталась закрытой с 15 декабря 2001 г.

148. Далее Суд отмечает, что несмотря на многочисленные просьбы, ни один из заявителей не был признан потерпевшим по уголовному делу, что дало бы им определенные минимальные гарантии участия в уголовном процессе. Также из имеющихся у Суда материалов ясно, что заявителей информировали о ходе следствия по делу лишь частично и от случая к случаю и лишили их реальной возможности ознакомиться с материалами дела, несмотря на их многочисленные попытки получить доступ к ним. Суд считает, что заявителей фактически отстранили от участия в уголовном процессе, и у них не было возможности отстаивать свои законные интересы.

149. И, наконец, следствие по делу продолжалось с августа 2000 г. по апрель 2003 г., причем за это время приостанавливалось и возобновлялось по крайней мере пять раз. В частности, первые два раза оно было приостановлено на основании невозможности установить лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, а остальные три раза оно было приостановлено из-за отсутствия состава преступления. Его неэффективность и непринятие следователями практических мер по раскрытию преступления и выполнению поручений прокуроров были признаны вышестоящими органами прокуратуры (см. пп. 73, 75, 79 и 82). Суд также отмечает, что дело многократно и без каких-либо рациональных объяснений передавалось от одного следственного органа другому.

150. С учетом этих обстоятельств и со ссылкой на довод Правительства относительно того, что заявители якобы не обжаловали

в суде действия или бездействие следователей, как это предусмотрено статьей 125 УПК РФ, Суд отмечает, во-первых, что Правительство не указало, какие именно действия или факты бездействия следователей заявители должны были обжаловать в суде. Далее Суд отмечает, что упоминаемый Правительством правовой инструмент вступил в силу 1 июля 2002 г., а до этой даты заявители со всей очевидностью не могли прибегнуть к данному средству защиты. Что касается последующего периода, Суд считает, что в ситуации, когда эффективность расследования подорвана уже на самых ранних стадиях тем, что власти не предпринимают необходимых следственных действий, когда следствие неоднократно приостанавливает и возобновляет, когда заявителей так и не признают потерпевшими и не дают им возможности ознакомиться с материалами дела ни на одном его этапе, когда о ходе расследования их информируют лишь от случая к случаю, весьма сомнительно, чтобы упоминаемое Правительством средство правовой защиты имело какие-то шансы на успех. Кроме того, Правительство не продемонстрировало, что данное средство правовой защиты могло бы обеспечить восстановление справедливости в ситуации заявителей – иными словами, что оно исправило бы недостатки следствия и привело бы к установлению и наказанию лиц, виновных в смерти родственников заявителей. Поэтому Суд считает, что в обстоятельствах данного дела не было установлено с достаточной степенью достоверности, что предлагаемое Правительством средство правовой защиты было бы эффективно в том значении, в каком это предусмотрено Конвенцией. Суд считает, что заявители не были обязаны прибегать к этому средству и что в данной части предварительные возражения Правительства следует отклонить.

1. Что касается довода Правительства относительно того, что заявители якобы не обжаловали в суде постановление от 24 апреля 2003 г. о прекращении уголовного дела, Суд повторяет, что в принципе данное средство может обеспечить существенную защиту от незаконных действий следственных органов, учитывая право суда отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и указать на допущенные нарушения (см. *mutatis mutandis*, *Trubnikov v. Russia* (dec.), no. 49790/99, 14 октября 2003 г.). Поэтому при обычных обстоятельствах такое обжалование можно было бы считать потенциально эффективным средством защиты в случае решения прокуратуры не проводить расследование. Однако Суд выражает серьезные сомнения касательно того, насколько эффективным было бы такое средство в данном случае. Как упоминалось выше, еще до вынесения постановления от 24 апреля 2003 г. следственные органы принимали решения о прекращении уголовного дела, по крайней мере, дважды - 15 декабря 2001 г. и 21 марта 2002 г., ссылаясь на те же основания, а именно – на отсутствие состава преступления. Впоследствии эти решения отменялись вышестоящей прокуратурой, а дело возвращалось на дополнительное расследование. При таких обстоятельствах Суд не убежден в том, что обжалование в судебном

порядке, результат которого мог бы быть только таким же, способствовало бы восстановлению справедливости в отношении заявителей. Поэтому Суд считает, что такое обжалование при обстоятельствах настоящего дела было бы лишено смысла. Суд полагает, что заявители не были обязаны прибегать к этому средству защиты и что эту часть предварительных возражений Правительства следует отклонить.

2. В свете вышесказанного Суд приходит к выводу, что власти не провели тщательного и эффективного расследования обстоятельств смерти Халида Хациева и Казбека Акиева и что в данной ситуации нет необходимости отдельно рассматривать довод заявителей относительно предполагаемой необъективности следственных органов, особенно с учетом того, что этот довод был приведен уже после объявления жалобы приемлемой и у Правительства не было возможности представить свои соображения по данному вопросу.

3. Поэтому Суд постановляет, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее процессуальной части.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 6 И 8 КОНВЕНЦИИ

4. Заявители жаловались, что в нарушение Статьи 6 § 1 Конвенции не имели доступа к правосудию, поскольку по законам государства не могли подать гражданский иск о возмещении вреда, причиненного смертью родственников, в отсутствие значимых результатов уголовного расследования, а убийство их близких родственников было незаконным и грубым вмешательством в их семейную жизнь, противоречащим статье 8 Конвенции. Положения Конвенции в соответствующей части звучат так:

Статья 6

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ...имеет право на справедливое ... разбирательство дела...судом»

Статья 8

“1.Каждый имеет право на уважение его... семейной жизни...

2.Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, предотвращение беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

5. В своих обращениях до принятия Судом решения о приемлемости заявители настаивали на том, что им было отказано в доступе к правосудию для целей подачи иска о компенсации, что является нарушением статьи 6 § 1 Конвенции. Они также настаивали на своей

жалобе о вмешательстве в осуществление ими прав, защищаемых Статьей 8 Конвенции, в результате лишения жизни их родственников и утверждали, что ввиду отказа Правительства представить материалы уголовного дела не представлялось возможным установить, было ли такое вмешательство оправдано в свете параграфа 2 Статьи 8 Конвенции. После того, как настоящая жалоба была признана приемлемой, заявители сообщили Суду, что не настаивают на отдельном рассмотрении своих жалоб в части Статьи 6 § 1 и Статьи 8 Конвенции.

6. Правительство утверждало, что в ходе всего расследования и после его окончания у заявителей была возможность предъявить в суд гражданский иск о возмещении вреда, причиненного в результате смерти их родственников, а следовательно, у них был доступ к правосудию, как этого требует Статья 6 § 1 Конвенции. Согласно утверждениям Правительства, отсутствовала прямая причинная связь между лишением жизни родственников заявителей и нарушением права заявителей на уважение их семейной жизни, а также что в любом случае предполагаемое вмешательство в осуществление этого права было оправдано с точки зрения пункта 2 Статьи 8 Конвенции.

7. Учитывая, что данное обращение заявителей имело место после принятия Судом решения о приемлемости их жалобы, Суд не считает необходимым рассматривать жалобу в вышеназванной части.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

158. Заявители жаловались на отсутствие эффективных внутригосударственных средств защиты в отношении нарушений их прав, гарантированных Статьей 2 Конвенции, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

159. Заявители настаивали на том, что в их случае внутригосударственные средства защиты, которые обычно имеются в наличии, оказались неэффективными, учитывая, что в расследовании имелись многочисленные недочеты, что заявители не были признаны потерпевшими, что их попытки ознакомиться с материалами дела не увенчались успехом и что тем самым заявители были лишены доступа к уголовному судопроизводству и возможности подать гражданский иск, а на все их обращения в государственные органы либо не было никакого ответа, либо ответом служили стандартные отписки.

160. Правительство возразило, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали их обращению к таким средствам. В частности, уголовное дело было возбуждено в день, когда были убиты родственники заявителей, а в ходе

расследования у заявителей была возможность обращения в вышестоящие органы прокуратуры и в суд с целью обжалования действий или бездействия органов следствия или постановления от 24 апреля 2003 года о прекращении производства по уголовному делу. Кроме того, в ходе всего расследования и после его окончания у заявителей была возможность предъявить в суд гражданский иск о возмещении вреда. В связи с последним Правительство сочло уместным упомянуть о деле Хашиева М.А., который воспользовался этим правом и добился решения суда о присуждении ему возмещения вреда, причиненного смертью родственников (см. *Khashiyev and Akayeva*, цит. выше, §§ 39-42).

161. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Таким образом, Статья 13 требует, чтобы имелось правовое средство, позволяющее принять решение по существу "потенциально достоверной" жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение, хотя государствам дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Объем обязательств по статье 13 может быть различным в зависимости от характера жалобы заявителя на нарушение Конвенции. Вместе с тем правовое средство, требуемое статьей 13, должно быть юридически и практически «эффективным» в том смысле, что возможность его использования не может быть неоправданно затруднена действиями или бездействием органов власти государства-ответчика (цитируемое выше постановление по делу *Aksoy*, § 95).

162. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и к наказанию ответственных за лишение жизни, что, в частности, предполагает фактический доступ истца к следственным процедурам, направленным на установление личности и наказание виновных (см. постановление по делу *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV; *Assenov and Others v. Bulgaria*, постановление от 28 октября 1998 г., *Отчеты 1998 VIII*, § 117; *Süheyla Aydın v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 мая 2005 г., и *Baysayeva v. Russia*, no. 74237/01, § 155, 5 апреля 2007 года). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 384, 18 июня 2002).

163. В свете приведенных выше выводов Суда в отношении Статьи 2, жалобы заявителей явно следует считать "потенциально достоверными" в значении Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, постановление от 27 апреля 1988 г., Series A no. 131, § 52). Следовательно, заявители должны были иметь возможность

воспользоваться эффективными и практически применимыми средствами правовой защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных и к назначению компенсации для целей Статьи 13.

164. Из этого следует, что при обстоятельствах, когда, как в данном случае, уголовное расследование смерти было неэффективным (см. пп. 152-153 выше) и когда в связи с этим была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства правовой защиты, включая гражданский иск, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

165. Следовательно, имело место нарушение Статьи 13 Конвенции в части вышеназванных нарушений Статьи 2 Конвенции.

V. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 38 § 1 КОНВЕНЦИИ

166. В своих замечаниях по приемлемости и существу дела заявители утверждали, что Государство нарушило свои обязательства по Статье 38 § 1 Конвенции, поскольку не представило все материалы уголовного дела в отношении заявителей. Эта статья в соответствующей части гласит:

“1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия.

167. Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб в соответствии со Статьей 34 Конвенции крайне важно, чтобы Государства обеспечили все необходимые материалы для проведения тщательного и эффективного рассмотрения жалоб (см. цитируемое выше постановление по делу *Tanrikulu*, § 70). В исполнение данного обязательства Государства должны предоставлять Суду все необходимые материалы, проводит ли Суд расследование по выяснению фактов или выполняет свои обязанности общего характера по рассмотрению жалоб. Когда Правительство, располагая такой информацией, не предоставляет ее без удовлетворительного объяснения, это может не только привести к выводу о том, что жалобы заявителя обоснованы, но и негативно отразиться на степени соблюдения Государством-ответчиком его обязательств по Статье 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtas v. Turkey*, по. 23531/94, § 66, ECHR 2000-VI).

168. В настоящем деле Суд отмечает, что несмотря на отказ предоставить копию материалов дела на раннем этапе, Правительство согласилось раскрыть требуемые материалы после признания настоящей жалобы приемлемой. Были представлены материалы на 223 страницах, включая ряд важных процессуальных документов, таких как протоколы осмотра места происшествия и заключения осмотра

трупов, протоколы допросов свидетелей и другие. Хотя некоторые документы Правительством не были предоставлены на том основании, что их раскрытие могло бы нанести вред национальной безопасности Российской Федерации и интересам участников уголовного процесса либо они «не имели отношения к расследованию», Суд отмечает, что Правительством была предоставлена значительная часть материалов дела, что существенно облегчило рассмотрение настоящей жалобы Судом. В целом Суд в данном случае не считает поведение Правительства препятствующим эффективному расследованию дела и тем самым противоречащим Статье 38 § 1 (а).

169. Поэтому Суд считает, что со стороны Правительства – ответчика не было нарушения Статьи 38 § 1 (а) Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

170. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Возмещение ущерба

171. Заявители утверждали, что потеряли своих близких родственников и пережили тяжелые душевные страдания в связи с этим и в результате того, что власти не провели расследования жалоб на нарушения их прав. Они запросили компенсацию морального вреда в объеме 100 000 евро, куда входят следующие требования:

- (а) по 20 000 евро первому, второму и седьмому заявителям и
- (б) по 10 000 евро третьему, четвертому, пятому и шестому заявителям.

172. Правительство посчитало требования заявителей завышенными и выразило мнение, что если Суд признает нарушение прав заявителей, будет достаточно символической суммы компенсации.

173. Суд отмечает, что признал нарушение Статей 2 и 13 Конвенции по причине смерти близких родственников заявителей и отсутствия эффективных средств правовой защиты на внутригосударственном уровне для восстановления прав и получения компенсации за названные нарушения. Заявители, по всей вероятности, испытывали душевные страдания в связи со всеми этими обстоятельствами, что не может быть компенсировано одним лишь признанием факта нарушения прав. С учетом этих соображений и запрашиваемой заявителями суммы компенсации Суд считает их требования разумными и полностью их удовлетворяет. В соответствии с этим Суд присуждает по 20 000 евро первому, второму и седьмому заявителям и по 10 000 евро третьему, четвертому, пятому и шестому заявителям,

вместе с любыми налогами, которыми может облагаться эта сумма, включая налог на добавленную стоимость.

В. Издержки и расходы

174. Заявителей в Суде представляли юристы из организации «Правовая инициатива по России». Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, представленных в Суд и в органы государственной власти по ставке 50 евро в час для юристов организации и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 12 318,16 евро, куда входит:

- 1 500 евро за подготовку писем для российских органов власти и проведение исследований;
- 4 500 евро за подготовку полного текста жалобы и документов;
- 75 евро за подготовку дополнительной корреспонденции для Суда;
- 5 250 евро за подготовку ответа заявителей на меморандум Правительства;
- 379,10 за оплату услуг по переводу;
- 250 евро в связи с подготовкой декларации о доходах заявителей и подтверждающих документов;
- 801,79 евро на административные расходы (7% от судебных издержек);
- 62,27 евро за оплату международной почты при направлении материалов в Суд.

175. Правительство не оспаривало отдельные пункты сметы, поданной заявителями, но оспорило требования в целом как завышенные, ссылаясь на ставки судебных расходов в России. Правительство ссылалось на прецеденты Суда в той части, что возмещение расходов и издержек должно присуждаться лишь в том случае, если они фактически имели место, были необходимы и разумны по своему размеру. Правительство также утверждало, что требования заявителей не подкреплены соответствующими документами.

176. Суд напоминает, что возмещение расходов и издержек в соответствии со Статьей 41 не будет присуждено, если не установлено, что они имели место, были необходимы и разумны по своему объему (см. *Iatridis v. Greece* (справедливое удовлетворение) [GC], no. 31107/96, § 54, ECHR 2000 XI).

177. Суд отмечает, что в августе 2001 г. заявители выдали организации «Правовая инициатива по России» доверенность для представления их интересов в Европейском суде по правам человека. В течение всего разбирательства дела в Суде организация «Правовая

инициатива по России» представляла интересы заявителей. Заявители также предъявили документы, подтверждающие их расходы на услуги перевода и почтовые отправления. Что касается ставок оплаты труда юристов и старших специалистов организации «Правовая инициатива по России», Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

178. Далее Суд отмечает, что данное дело было довольно сложным и для его подготовки потребовался определенный объем исследовательской работы. С другой стороны, после подготовки первоначально представленных в Суд материалов составления большого количества документов уже не требовалось, поэтому у Суда есть сомнения относительно того, действительно ли на последующих этапах дело требовало такого объема исследовательской и подготовительной работы, как это утверждают представители заявителей.

179. В силу этих обстоятельств и учитывая детализацию поданных заявителями требований, Суд присуждает уменьшенную сумму 10 000 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, плюс любые налоги, в том числе НДС, если он начисляется на данную сумму. Эта сумма должна быть выплачена непосредственно организации, представляющей интересы заявителей.

С. Выплата процентов

180. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в части лишения жизни Халида Хациева и Казбека Акиева;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения властями адекватного и эффективного расследования обстоятельств смерти Халида Хациева и Казбека Акиева;
4. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать жалобы заявителей на нарушение Статей 6 и 8 Конвенции;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 13 в связи с нарушениями Статьи 2 Конвенции;

6. *Постановляет*, что не было нарушения Статьи 38 § 1 (а) Конвенции;

7. *Постановляет*,

(а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить заявителям следующие суммы которые за вычетом суммы, подлежащий уплате на счет банка в Нидерландах, должны быть конвертированы в российские рубли по курсу на день оплаты:

(а) по 20 000 (двадцать тысяч евро) евро первому, второму и седьмому заявителям и по 10 000 евро (десять тысяч евро) третьему, четвертому, пятому и шестому заявителям в порядке возмещения морального вреда;

(ii) 9 150 евро (девять тысяч сто пятьдесят евро) в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на указанный представителями заявителей счет банка в Нидерландах;

(iii) любые налоги, которые подлежат уплате с вышеуказанных сумм, включая НДС;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта.

8. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявителей о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 17 января 2008 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудия Вестердик

Секретарь

Пир Лоренцен

Председатель